

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕД ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

А.Г.Макушкин

КАК СДЕЛАТЬ РОССИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ В МИРОВОЙ СРЕДЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ?

Россия последние 10 лет является активным участником формирования новой конфигурации мировых экономических центров и в перспективе 10-15 лет ее вклад будет только увеличиваться. Это требует перехода на проактивную и стратегически ориентированную политику развития, влияющую на соотношение потенциалов основных экономических центров силы.

Вместе с тем, следует признать, что в России сохраняется острый дефицит представлений о национальной стратегии в отношении ключевых конкурентных преимуществ, которые были бы способны обеспечить устойчивость и придать желаемую динамику обществу в средне- и долгосрочной перспективе. При этом, пожалуй, главный вопрос – способна ли она эффективно справляться с вмененными ей правами и обязанностями по поводу крупных ресурсов, выведенных на открытый рынок и открытых для доступа иностранцев в собственной юрисдикции? В настоящее время нет уверенности, что масса ресурсов, которая оказалась в открытом доступе, может эффективно управляться действующими финансовыми институтами и, более того, что необходимые институты могут быть созданы в разумные сроки.

В отношении содержания понятия конкурентоспособности следует сделать три существенно важных оговорки. Во-первых, конкурентоспособность – это ситуативное качество субъекта, определяемое в процессе взаимодействия нескольких игроков и иных факторов среды. Конкурентоспособность – это характеристика баланса поведенческих стратегий альтернативных потребителей некоторого определенного ресурса. Во-вторых, игроки должны находиться в непосредственном взаимодействии и их усилия должны быть направлены на конкретный объект (ограниченный ресурс), открытый для соперничества. О конкурентоспособности игроков, осваивающих непересекающиеся ресурсные пространства, можно говорить лишь условно. В-третьих, игроки вступают в конкуренцию за ресурсы не из спортивного интереса, а в силу необходимости реализовать собственную программу развития, с которой связана система оценок выгод и затрат. Сторонний наблюдатель не сможет ответить на вопрос

о том, какова допустимая цена участия данного игрока в конкурентном противостоянии, не отрефлексировав программу его развития в сравнении со стратегиями других участников. Такая программа, будучи оцененной, дает определение предполагаемым выгодам и связанным с этим уровням издержек, приемлемых для их достижения.

Параметры конкурентоспособности дают ответ на вопрос: следует ли участвовать в противостоянии с другими игроками за получение некоторого ресурса? Какие шансы при этом на успех? Какие коррективы следует внести в собственную стратегию развития? Как изменить баланс конкурирующих стратегий?

Конкурентоспособность можно описать лишь на пространстве взаимодействия нескольких игровых полей со специфическими характеристиками, к числу которых относится описание ресурсов, могущих представлять интерес друг для друга, а также занимающих определенное место в обеспечении программы развития каждого и соответственно саму программу. Поскольку доступ к ресурсам у противоположной стороны является предметом переговоров, то в целом ряде случаев их участникам необходимо рефлексировать не только значение, которое контрагент придает этому ресурсу для своих собственных нужд, но и как он смотрит на обладание этим ресурсом другим игроком. В этих терминах **конкурентоспособность – сложная рефлексивная игра** («я знаю, что ты знаешь»), которая ведется подчас очень длительное время, иногда агрессивно, до тех пор пока между игроками не складываются партнерские и союзнические отношения, либо начинается военный конфликт.

Как этот взгляд совместить с рейтингами конкурентоспособности, например, Всемирного экономического форума? Если посмотреть на методологию, то за основу ими берется набор идеальных качеств, которым должны соответствовать страна с позиций глобальных инвесторов. Правда, о том, чему эти характеристики должны служить в рамках каждой страны ничего не говорится. За основу принимается онтология инвестиционной привлекательности стран-реципиентов, истолкованная через поведенческую модель международного инвестора не вполне определенного типа: то ли портфельный инвестор, то ли стратегический. При этом рейтинг давоского Всемирного экономического форума (WEF) отражает степень соответствия страны пожеланиям инвесторов, действующих в условиях англо-саксонской финансовой модели. Нас же интересует рейтинг стран по отношению к конкретным видам ресурсов и игроков, актуальных для конкретной программы национального развития (если таковая существует). Вопросник Всемирного экономического форума, вообще говоря, отражает неизвестную программу развития, неизвестную модель роста,

неизвестную стратегию. И если мы как страна хотим увидеть себя в давоском рейтинге, то прежде необходимо отрефлексировать всю эту цепочку в обратном направлении и определить отношение собственной программы развития к той, которую неявно предлагает Давос. Так что распространенные рейтинги конкретных факторов инвестиционной конкурентоспособности, оказываются отнюдь не точкой отчёта для оценки состояния конкурентоспособности страны.

«Конкурентоспособность» для осознающего свои действия игрока означает оценку возможности реализовать собственную программу развития. И в этих рамках объектом для определения конкурентоспособности игрока является любой ключевой элемент цепочки создания стоимости, открытый для альтернативного использования. Предлагается использовать аналитическую модель, которая в состоянии (а) проецировать на себя наличие и качество программ развития участников конкуренции, (б) наличие и характеристики объекта для конкурентной борьбы, (в) проецирует игрока, определяя насколько он может быть частью контрактных отношений, насколько он договороспособен.

В модели отбора факторов конкурентоспособности игрока надо различать три момента.

Во-первых, отбор факторов, определяемый инерцией системы. Задачи поддержания конкурентоспособности возникают как необходимость реагировать на ухудшение известных экономических факторов. Происходит деквалификация рабочей силы, снижается производительность труда, исчерпывается запас природных ресурсов и т.п.

Во-вторых, отбор факторов определяется состоянием внешней экономики – среды для наших действий. В данном случае проблема возникает в связи с тем, что мы сами как система, как один из игроков на открытой площадке, становимся объектом целенаправленного внешнего воздействия. Либо у них возникают претензии на то, что мы издавна считали своим и потому принимали по умолчанию. Зачем нам рассуждать о конкурентоспособности российских компаний в борьбе за российские запасы нефти и газа, если эти запасы, к примеру, не продаются? О какой конкуренции за военные технологии надо говорить, если они не являются рыночным активом? Однако ситуация может измениться, и эти активы станут рыночными. Естественно, сразу встанет вопрос о том, чтобы конкурентоспособность российских претендентов на них была оценена и поддержана.

В-третьих, изменение наших собственных представлений о будущем. Если мы составляем новую программу действий, то мы переопределяем зону своей активности и, естественно, тот набор факторов, который в

итоге станет объектом анализа нашей конкурентоспособности. Не было охоты России позиционировать себя в Южной Америке или Юго-Восточной Азии – не было и надобности думать о том, насколько российский бизнес там конкурентоспособен. Сейчас российские космические технологии присутствуют на мировом рынке пусков на околоземную орбиту – значит надо по-новому взглянуть на то, что делает государство, как готов российский менеджмент для работы на этих рынках. А если загонят нас обратно в «крепость Россия» - тут же будем измерять свою конкурентоспособность технико-тактическими параметрами – быстрее, выше, точнее, - а не через сравнение бизнес-практик.

Применительно к России начинать разговор о перспективах ее конкурентоспособности надо с диагноза характерных источников дохода и обусловленной ими мотивацией. Обращу внимание, прежде всего, на рентный характер российской экономики. Если в системе есть источники доходов, позволяющие извлекать выгоду непропорционально высокую по отношению к затраченным усилиям, то это определяет целую культуру политического и хозяйственного поведения. И если заходить со стороны «национальной идеи», то вызовы конкурентоспособности для России определяются именно изменением в обществе отношения к источникам долговременного рентного дохода.

Российская экономика – это экономика с очень большими допусками в любых технических решениях, с люфтами в механизмах сопряжения, сохраняющимися благодаря огромной подушке рентных доходов, которая позволяет безболезненно списывать большие потери, не неся за это ответственности. До тех пор, пока не будут введены стимулы, лишаящие хозяйствующих субъектов возможности использовать эти компенсаторы неэффективности, никакого скачка, никакого перехода к политике конкурентоспособности мы не обеспечим, кто бы с соответствующим призывом не выступал – бизнес сообщество или президент.

Рассматривая изменения в традиционном восприятии конкурентных преимуществ, выделяются четыре тенденции, которые остаются недооцененными ни на уровне компаний, ни в правительстве, ни в экспертном сообществе.

1. Сокращение зоны ресурсов, где российские компании были избавлены от конкуренции с иностранцами.
2. Рост числа зон, в которых российские компании впервые учатся вырабатывать и применять конкурентную политику.
3. Быстрое сближение цен реализации и издержки российских и зарубежных компаний, требуя освоения навыков работы с более

низкой рентабельностью, работы с привлеченными средствами и т.п.

4. Рост внешних контактов резко сокращает «российскую специфику» управления и усиливаются требования к универсализации механизмов хозяйствования.

Перемены, диктующие необходимость кардинального пересмотра взглядов на конкурентоспособность связаны именно с изменением в определении «национальной идеи», с переосмыслением ростовой модели и переоценкой программы развития.

Кратко это формулируется таким образом. «Национальная идея», состоявшая в том, чтобы создать национальный класс частных собственников, в целом реализована. С решением этой задачи была связана бесплатная приватизация, и декретные формы передела собственности, и всякого рода «черные кассы» в бизнесе и в политике. Нужен был ликвидный запас, которым можно было распоряжаться без лишних формальностей, обеспечивая сохранение «национального статуса» критически важных ресурсов. Сегодня новая «национальная идея» - обучение национального бизнеса правилам цивилизованного ведения дел в экономике и в общественном устройстве жизни. Это не дань моде, это базовое условие для устойчивого роста экономики. На этой стадии закладываются принципиально важные ограничения в определении факторов конкурентоспособности.

С «моделью роста» тоже надо разобраться. Только с оформлением договороспособных собственников в стране развитие экономики может строиться, например, с полноценным включением в мировую финансовую систему, с использованием возможностей открытого рынка капитала и т.п. Правительству придется поломать голову, как оно будет стимулировать работу с привлеченными средствами, вместо того, чтобы перераспределять собственные средства предприятий или перетягивать куцее одеяло налогового бремени с государства на бизнес и обратно. Активизируются стратегии развития бизнеса, построенные на рекапитализации бизнеса. А развитие бизнес-среды отныне предполагает умелое макроэкономическое управление кроссграничным движением капитала. Понятно, что эти вводные заставляют пересмотреть практически все подходы к факторам конкурентоспособности экономики, какими они представлялись еще пять лет назад. В рамках стратегии интеграции России предстоит определить конкурентные преимущества в экономике в четырех плоскостях: технологический трансферт; транзакционные услуги (госуправление, судопроизводство, страхование); рынок капиталов (финансовые институты); новые рынки сбыта.

Что касается, программ развития, то это наиболее инструментальная часть политической схемы, где решение задач связывается с конкретными игроками и определяются в масштабе реального времени. Здесь важна роль проектного каркаса в экономике, отражающих особенности двух предыдущих этапов анализа. Это могут быть инфраструктурные проекты (транспорт, связь, пр.), институциональные проекты («введение конвертируемого рубля»). Собственно в применении к таким проектам и определяется окончательный набор факторов конкурентоспособности, с которым имеют дело правительство и бизнес в повседневном режиме.

Фактом является и то, что российское общество не найдет способа балансировать интересы в собственной стране, пока основные игроки не сойдутся в понимании долговременной модели, связанной с одним из следующих сюжетов:

- «Крепость Россия».
- Младший партнер в Трансатлантическом Союзе.
- Лавирование между центрами силы («оппортунизм»).
- Региональная сверхдержава (Единое экономическое пространство).

Каждый из предложенных сюжетов дает свое отношение и к внешнему миру, и конкретно к возможностям роста, которые этот мир предоставляет. В рамках этих сюжетов и состав факторов роста и их относительная важность имеют очень разное значение!

До рационального выбора дело пока не дошло. Вероятность потерять собственные доходы в ходе интеграции оценивается выше, чем вероятность захватить чужие ниши. Утверждается, что страна утратит контроль за своими ресурсами быстрее, чем научится ими эффективно управлять «по-западному». Как аргумент приводятся и такие утверждения, что мол России не следует подставляться под эти риски, поскольку ее «нельзя обанкротить и нельзя завоевать»; от России все равно не откажутся, поскольку «наши природные ресурсы слишком значимы, чтобы их перестали покупать»; России все равно не закроют доступ к нужным ей ресурсам, она «всегда купит у внешнего мира, что ей необходимо»; Россию слишком долго пытались обмануть, предлагая западные институты, пытаясь лишить нас естественных преимуществ. При таком характере аргументации говорить о просчитанном выборе не приходится. Провести же корректный сравнительный анализ этих сценариев – дело будущего.

Отправным пунктом в политике национальной конкурентоспособности России должна быть идея широкого использования внешних ресурсов для резкого ускорения развития в рамках национальных приоритетов. Поэтому внимание предлагается сосредоточить на разработке плана интеграции в систему мировой

экономики (в системе международного разделения труда), который помог бы состояться *собственной* российской программе развития.

Следует выделить три задачи, которые нас ожидают на пути реализации интеграционистской стратегии развития: 1) преодоление инерции экономических и политических институтов, порожденных рентным характером российской экономики; 2) развитие транзакционного сектора экономики, обеспечивающего способность хозяйствующих субъектов работать на отдаленную перспективу; 3) интенсивно использовать преимущества, унаследованные от советского прошлого – фундаментальная наука, сложные технологии, инженерное образование.

За период с 2001 по 2011 годы можно считать состоявшимся отказ основных действующих лиц мировой политики от:

- идеи общего глобального инвестиционного пространства (утверждения о полной эмансипации финансового капитала от «национальных государств»);
- общего (универсального) правового поля для сделок со стратегическими активами (вплоть до международно-признаваемого «банкротства государств»);
- универсального финансового рынка (доллар-евро-йена);
- единого силового пространства (для обеспечения международной безопасности), под контролем НАТО/США.

Модель мирового экономического развития после серии кризисов, начиная с 2001 года по 2012, радикально изменилась:

- логика «чистого экономизма» в стратегии развития наций замещается логикой консолидации всего комплекса, в том числе и внеэкономических факторов устойчивости и развития политико-экономического статуса «национального государства»;
- кредиторы и должники в мировой экономике поменялись местами - профицит платежного баланса стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) перекрывает «двойной дефицит» США;
- легитимизируется роль государства (политической системы) в экономике в качестве инстанции подотчетной избирателям в отличие от транснациональных компаний (развитие в Европе и Азии политики «экономического национализма»);
- формируется система региональных валют, принимающих на себя функции резервных валют замещая не только доллар США, но и евро;
- укрепляется система межгосударственных соглашений в экономике, включая соглашения о преференциальных зонах экономического сотрудничества и проектного инвестирования;

- движение капиталов смещается в сторону прямых стратегических инвестиций, все больше крупных сделок базируется на принципах обмена стратегическими активами, обеспечивающего долгосрочные национальные интересы и паритетную зависимость участников;
- усиливается национальный и межгосударственный контроль за транснациональным бизнесом (новая антимонопольная политика; слияния и поглощения), создание корпоративных «национальных чемпионов», ограничение доступа иностранных ТНК на внутренние рынки и пр.).

Сегодня «глобализация» нужна другим игрокам и по другим основаниям. В рамках определения новых глобальных «правил игры», речь идет о новой географии и технологиях сборки воспроизводственных цепочек.

Восстановление баланса между сырьевыми, производящими и транзакционными экономиками сегодня особенно затруднено, поскольку речь идет не о простом восстановлении экономических отношений, а об их полной перестройке на основе региональных стратегий развития. Кроме того, страны-участники представляют разные звенья, составляющие хотя и не единую, но высокоинтегрированную систему международного экономического оборота. Но последний сегодня не имеет единого пула субъектов. Китай остается за рамками механизмов Большой Восьмерки; новый экономический центр в Евразии (ШОС) только начинает приобретать политическое признание; традиционные механизмы международного экономического регулирования (МВФ, ВТО, ЕС, НАТО) утрачивают свою действенность для центров экономического роста; в начальной фазе находятся интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза.

В модели сборки центров силы органически связываются: контроль за капитальными активами со стороны государства; секьюритизация финансовых активов (использование своих и внешних сбережений); валютный режим поддерживающий национальную стратегию роста (включая игроков, определяющих макроэкономические параметры); институты инвестиционной и кредитной деятельности, режим торговли, реализующих приоритетные направления «национальных» стратегий развития.

Главными трендами наступившего периода сборки мировых производственных цепочек будут процессы, отражающие диверсификацию центров экономической структуры, унаследованной от двух- и однополярной модели мирового порядка. На первый план выходят вопросы 1) различий и взаимного дополнения региональных

стратегий (стратегий центров силы); 2) обмена стратегическими активами в рамках стратегий развития, подтвержденных авторитетом и ресурсами государства.

Новая модель финансового сектора призвана отразить тенденции, набирающие силу и сохраняющие силу на горизонте до 2025 года:

- институционализация стратегических запасов сырья и связанная с ней капитализация стран ресурсного сектора мировой экономики (Россия, Венесуэла, Алжир и др.);
- формирование альянсов между представителями производящего и ресурсного секторов с появлением на их базе национальных и региональных валют;
- либерализация торговых режимов в рамках региональных альянсов с введением ограничений на границах экономических союзов (таможенные союзы);
- отстранение стран транзакционного сектора (США) от непосредственного участия в реструктуризации потенциалов производящего и ресурсного секторов мировой экономики, в которых участие государств с транзакционной специализацией нежелательно или просто излишне, поскольку страны участницы альянса сами в состоянии обеспечить транзакционную поддержку своим контрактам (АТЭС);
- нарастание давления со стороны США (лидера мировой транзакционной экономики) на (1) конкурирующие с ними сектора транзакционных услуг в странах производящего и ресурсного сектора, а также на (2) ограничительный режим доступа к стратегическим запасам сырья и важнейшим активам в производственной инфраструктуре в центрах экономического роста.

Центральные проблемы конкурентоспособности для растущих центров силы состоят в том, чтобы

- консолидировать ресурсы развития как объекты управления в рамках современной инфраструктуры (сделать их наблюдаемыми и управляемыми),
- восстановить механизмы воспроизводственного цикла (создание сбережений и их эффективное инвестирование),
- сохранить основные ресурсы в сфере национальной юрисдикции и высоконадежных международных режимах правового обеспечения (здесь нужны индексы надежности),
- научиться разрабатывать эффективные стратегии и осуществлять управленческий аудит,

- эффективно вести переговоры между группами интересов (создать универсальные внутристрановые принципы и механизмы согласования),
- разработать и придерживаться системы долгосрочных целей общенационального характера (цели, выходящие за четыре электоральных срока - на период 15-20 лет).

Решение этих задач предполагает различные стратегии для стран, принадлежащих к разным типам специализации в мировой хозяйственной системе: транзакционным («финансовым»), производящим и сырьевым экономикам.

На всем обозримом горизонте мировая финансовая системы будет работать в условиях интенсивной сборки факторов роста в различных полюсах экономической активности. При этом важнейшую роль будет играть качество переговорного процесса вокруг принципов и институтов финансовой сферы, которое будет связано с различным, но в целом прогрессирующим качеством субъектности как на национальном, так и на международном уровне. В этом процессе следует ожидать резких изменений переговорных позиций, затрагивающих макроэкономические индикаторы в целом и финансовые параметры в частности. На горизонте примерно в 10 ближайших лет следует ожидать переоценки возможностей планов сборки экономических центров силы и отношений между ними. Общие риски в процессе стабилизации финансовой сферы мировой экономики связаны с локальными выпадениями, провалами, замещениями и присоединениями активов и транзакционных процедур. Для каждого участника будет оставаться насущной потребность в значительных оперативно-тактических и стратегических резервах, чтобы справиться с колебаниями конъюнктуры. Исключительное значение приобретет мониторинг и прогноз политических рисков.

Окончание переходного периода можно предполагать к 2015-2020 годам. В результате будут сформированы целостные политико-экономические комплексы, имеющие собственные внутренние программы развития. На основе оформившихся центров экономического роста будут складываться основные силовые линии международных отношений.

Критериальными показателями завершенности процесса на горизонте до 2025 года являются:

- возникновение новых устойчивых центров силы, имеющих диверсифицированную переговорную инфраструктуру по всем основным вопросам балансирования взаимных интересов (реформа ООН (в т.ч. МВФ и ВБ), расширение G7 и G20);

- оформление раздела сфер военного доминирования в мире (определение внешнего мандата НАТО, ОДКБ и др. блоковых структур безопасности);
- стабилизация мировых рынков капитала и товаров и определением новых правил поведения на них (завершение реформы фондовых площадок, реализация принципов Базель-2 и -3, принятие общих принципов и региональных кодексов трансграничного движения капиталов);
- фиксацией портфеля (новых) мировых валют и механизмов работы валютных рынков (завершение реструктуризации портфеля резервных валют Центральными банками, привязка региональных валют к стратегиям развития центров экономической силы).

Россия становится активным участником формирования новой конфигурации мировых экономических центров, что требует смены привычной реактивной и ситуативной экономической политики на проактивную и стратегически ориентированную. В перспективе 10-15 лет ее вклад определяется успешной реализацией ряда гиперпроектов международного масштаба, влияющих на соотношение потенциалов основных экономических центров силы.

Предполагается решение двух задач: 1) адекватного понимания места России в процессе создания и обслуживания потоков стоимости (производственных цепочек) в масштабах мировой экономики, и 2) договороспособности власти внутри страны и на международной арене.

Версии сценариев формулируются исходя из базовых целей:

- обеспечить полноценную легитимацию России в системе международных отношений;
- первоначальное накопление капитала для целей модернизации и новой социальной структуры общества, включая сценарий долгового инвестиционного роста;
- создания эффективной социальной коммуникации между группами интересов в рамках национальной повестки дня (снять чрезвычайные доходы и обеспечить легитимность собственности через внутренние механизмы политической жизни);
- снять враждебность отношения к России как фактор ее экономической динамики в долгосрочной перспективе (меньше тратить сил на противодействие и больше на капитализацию имеющегося потенциала партнерства);
- обеспечить культурное и правовое единство и управляемость рисками внутри жизненного пространства России.

В части глобального гиперпроекта, который должен по-новому позиционировать страну в мировом экономическом и политическом контексте, Россия сделала выбор в пользу проекта национального лидерства в мировой энергетике. Продвижение этого проекта потребует, во-первых, вписывания российского проекта в пространство возможностей внешних центров силы и, во-вторых, целостной увязки с системообразующими направлениями стратегии роста и диверсификации экономики России. Результатом станет глубокое структурное изменение спроса и предложения на мировых рынках, эффект которого непосредственно и кардинальным образом скажется на внутренних возможностях российской экономики. Потребуется пересмотреть потенциал различных форм управления структурной трансформацией национальной экономики в международном контексте. Цель - не утратить наблюдаемости объекта управления, обеспечить высокую эффективность управленческих воздействий и выдержать основные количественные параметры стратегии развития. Такая перемена стратегии потребует системного изменения процедур принятия решений: отношений между государством и частными компаниями; национальными и международными организациями и иностранными компаниями; соотношения кратко- и долгосрочной экономической политики; сопоставимости стандартов в области управленческих процедур и пр.

Объектом моделирования является формат отношений с внешними центрами силы – сохранение эффективного суверенитета России в процессе достройки цепочек создания стоимости от российского сырья к рынкам сбыта конечной продукции и всей инфраструктуре транзакционного сектора, способного эффективно действовать в масштабе мировой экономики. Решение задачи структурной дополнителности и эффективной кооперативности является центральным пунктом для новой стратегии взаимоотношений между Россией и внешними центрами силы. Неизвестным параметром является способность России, как коллективного игрока, объединяющего интересы и ресурсы хозяйствующих субъектов в национальном пространстве, и используя возможности иностранных партнеров, - осуществить структурный маневр и в заданный срок выйти к цели, обеспечив высокую эффективность и укрепив широкий социальный консенсус в обществе.